АДРИАН ПЛИНТ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНФЛЯЦИЯ

Алисия Мара

Дело о пропавшем эпитете

«Автор»
2026

Мара А.

Дело о пропавшем эпитете / А. Мара — «Автор», 2026

Лондон. Наши дни. Город, где слова теряют свою покупательную способность, а эпитеты уходят в подполье. В этом мире живет Адриан Плинт — частный детектив, чья квартира-офис находится в заброшенной насосной станции под Ватерлоо, а единственным надежным другом является бита для крикета и стремительно пустеющая бутылка джина. Плинт — лексический экзистенциалист. Он не ищет неверных мужей или украденные бриллианты; он специализируется на поиске пропавших слов. Когда у герцога исчезает «непроницаемый» вид, а у дебютантки — «хрустальный» смех, за дело берется Плинт.

© Мара А., 2026
© Автор, 2026

Алисия Мара
Дело о пропавшем эпитете

«Дело о пропавшем эпитете»

Лондон в то утро напоминал плохо промасленный сэндвич: серый, влажный и оставляющий после себя стойкое ощущение легкой, но неотвязной тоски. Я, Адриан Плинт, человек, чье единственное достижение к тридцати семи годам заключалось в виртуозном умении терять перчатки (на тот момент счет в этом меланхоличном состязании шел 114:0 не в мою пользу), стоял на платформе вокзала Кингс-Кросс и смотрел на часы. Часы, разумеется, врали. Часы в романах подобного толка всегда врут, дабы дать герою лишние три минуты на экзистенциальный кризис.

— Вы, должно быть, мистер Плинт? — голос прозвучал над самым ухом, пахнущий

лавандой и легким безумием.

Я обернулся. Передо мной стоял мужчина, который, казалось, сбежал из витрины портного на Сэвил-роу, предварительно проглотив вешалку. Его осанка была настолько безупречной, что казалась архитектурным изыском.

— Совершенно верно. А вы, позвольте предположить, тот самый Куинси Харботтл, чье письмо я имел честь проигнорировать трижды? В нем еще было столько избыточных запятых, что я принял его за шифровку.

Харботтл улыбнулся уголком рта — той самой улыбкой, которой улыбаются люди, только что потерявшие миллион фунтов, но вспомнившие, что у них в шкафу осталась еще одна бутылка приличного кларета.

— Запятые, мой дорогой Адриан, — это

дорожная полиция синтаксиса. Без них предложения столкнулись бы в чудовищной, не поддающейся анализу автокатастрофе. Но перейдем к делу. Вы, как мне известно, лучший в Лондоне специалист по поиску пропавших слов.

— Я предпочитаю термин «лексический детектив», — поморщился я. — «Специалист» звучит так, будто я умею чинить бачки унитазов. Моя специализация — эпитеты. Когда у герцога пропадает его любимый «непроницаемый», а у дебютантки исчезает «хрустальный» смех

— это ко мне. Существительные и глаголы слишком банальны, они всегда на виду. А вот прилагательные — хрупкие, пугливые создания. Они испаряются первыми, когда из жизни уходит смысл.

— Именно, — кивнул Харботтл, доставая из

внутреннего кармана серебряный портсигар, который выглядел так, будто лично присутствовал при подписании Великой хартии вольностей. — У меня пропало слово. Одно-единственное. Но оно держало на себе всю конструкцию моей реальности. Слово «безупречный».

— Вы потеряли «безупречный»? — я приподнял бровь. — Это серьезное обвинение. Обычно люди теряют совесть, ключи от «Бентли» или веру в человечество. Но потерять прилагательное... Это требует особого рода рассеянности. Или, напротив, пугающей концентрации.

— В прошлую среду, — Харботтл понизил голос до драматического, почти вагнеровского шепота, — я проснулся, посмотрел в зеркало и не смог его применить. Я сказал себе: «Куинси, ты выглядишь сегодня...» И повисла пауза.

Черная, зияющая дыра в самом центре моего утреннего нарциссизма. Я перебрал все синонимы. «Идеальный»? Слишком по-американски, отдает стоматологией. «Безукоризненный»? Фальшивая монета. А «безупречный»... Мой «безупречный» исчез. Растворился в эфире, как сахар в слишком горячем чае. И с тех пор, Адриан, мир начал осыпаться. Мой твидовый костюм сел на полразмера. Мой дворецкий, Реджинальд, начал мне хамить. А моя

коллекция викторианских табакерок... она просто кажется мне теперь грудой раскрашенной жести. Найдите мне мое слово.

Я вздохнул и посмотрел на свои руки. Левой перчатки снова не было. Кажется, это дело обещало быть самым дорогим и самым безнадежным в моей практике. Найти потерянный эпитет в городе, где люди

ежедневно теряют самих себя — что может быть абсурднее? Разве что попытка написать об этом книгу, не скатившись в невыносимую, почти преступную банальность. Впрочем, об этом я решил побеспокоиться на следующей странице.

Я налил себе вторую за утро чашку отвратительного вокзального чая — жидкости, чей химический состав, судя по вкусу, нарушал сразу три женевских конвенции, — и повернулся к Харботтлу.

— Прежде чем мы начнем прочесывать метафизические подворотни вашего сознания, — сказал я, — мне нужно задать несколько вопросов. Медицинских. Лексические расстройства редко ходят в одиночку. Вы, случаем, не падали в детстве

головой в ящик с буквицами? Не злоупотребляете ли в последнее время омонимами? И главное: не было ли в вашей жизни в последние сорок восемь часов моментов невыносимой, звенящей искренности? Искренность — это главный растворитель прилагательных. Стоит человеку один раз честно сказать «Я тебя люблю» без задней мысли, как половина его словарного запаса отправляется в бессрочный отпуск на Мальдивы.

Харботтл побледнел так, что его лицо стало почти в тон его крахмальному воротничку.

— Вчера вечером, — выдавил он. — Я ужинал с Элеонорой.

— Элеонора — это ваша жена? — уточнил я.

— Это моя теща. Жена, к счастью для моей нервной системы, сейчас в Биаррице. Так вот, мы обсуждали фонд по спасению

вымирающих видов моли. И Элеонора, эта женщина, чей лексикон состоит преимущественно из междометий, выражающих неодобрение, и названий редких сортов спаржи, вдруг отложила вилку. Она посмотрела на меня своими водянистыми, как несвежий бланманже, глазами и сказала: «Куинси, ты был единственным светлым пятном в жизни моей дочери, пока не начал тратить ее деньги на этих ужасных механических бабочек». А потом... потом она прослезилась.

— Боже правый, — я машинально потянулся за карманом за блокнотом, но пальцы схватили лишь пустоту. Левая перчатка. Точно. Она осталась на Кингс-Кросс. — Элеонора прослезилась. Это меняет дело. Прослезившаяся теща — это лингвистический эквивалент нейтронной

бомбы. Она уничтожает смысл, оставляя нетронутой архитектуру гостиной. Ваше «безупречный» не просто потерялось. Оно получило тяжелую контузию и сейчас прячется где-то в дальних отделах вашего мозга, обхватив голову руками.

— Вы можете его вернуть? — спросил он с надеждой, которая в его положении выглядела почти неприлично.

— Я могу попытаться. Но мне понадобится доступ. Не к вашему разуму — туда я не полезу даже в резиновых сапогах. Мне понадобится доступ к местам, где это слово могло оставить след. Слово такой весовой категории не исчезает в вакууме. Оно оставляет квитанции.

Мы покинули вокзал, и Лондон встретил нас своей фирменной изморосью — той самой,

что, кажется, выпадает не из облаков, а сочится прямо из серого камня, пропитывая твид насквозь до самого пессимизма.

— Начнем с очевидного, — я поднял воротник. — Вы проверяли карманы своего верескового пиджака? Карманы аристократии — это Бермудский треугольник для мелкой моторики и абстрактных понятий. Мой дядя однажды потерял там чувство собственного достоинства и нашел его только через полгода в подкладке охотничьей куртки, пахнущее торфяным виски.

— Проверял, — убитым голосом ответил Харботтл. — Дважды. Там только монограмма, чек из «Фортнума» и перхоть.

— Хорошо. Тогда едем в Британскую библиотеку. Если ваше слово решило

дезертировать, оно наверняка сейчас сидит в читальном зале редких рукописей, притворяясь наречием, и делает вид, что всегда там работало.

Мы поймали кэб. Водитель, чья борода могла бы служить естественным укрытием для небольшой популяции певчих птиц, выслушал адрес и хмыкнул.

— В библиотеку, значит? — прогудел он голосом, похожим на скрип несмазанной гильотины. — Что, сэр, книгу пишете?

— Пытаюсь найти слово, — ответил Харботтл.

— Слово? — кэбмен осклабился, обнажив зубы цвета старого пергамента. — Я вам так скажу, сэры. Лучшее слово, которое я знаю, — это «свободен», когда счетчик обнуляется. А все остальное — это просто шум, чтобы не слышать, как у тебя в кармане звенит пустота. Высшая философия, доложу я вам.

Я откинулся на потертое кожаное сиденье. Харботтл сидел прямой, как аршин проглотивший, и смотрел в окно на плывущие мимо фасады Бейкер-стрит.

— Знаете, что самое ужасное в потере «безупречного», Адриан? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Что оно, скорее всего, счастливо в своей новой, бестелесной жизни? — предположил я.

— Нет. Самое ужасное — что я начинаю замечать его отсутствие у других. Я читал сегодня «Таймс». Там пишут о премьер-министре. О его «решительных действиях». И я поймал себя на мысли, что это ложь. Его действия не решительные. Они... они просто действия. Глаголы без прилагательных. Мясо без соли. Жизнь, мистер Плинт, без прилагательных — это просто протокол вскрытия.

— Глубоко, — кивнул я. — Почти на глубину лужи на Стрэнде. Мы приехали.

Здание Британской библиотеки возвышалось перед нами, похожее на гигантскую, слегка обиженную крепость из красного кирпича. Внутри пахло старой бумагой, пылью и несбывшимися амбициями тысяч исследователей.

— План такой, — сказал я, пока мы шли мимо бронзового изваяния сэра Исаака Ньютона, который выглядел так, будто только что уронил яблоко себе на ногу. — Вы идете в

отдел этимологии. Ваше слово — качественное прилагательное. Оно гордое. Оно захочет знать, откуда оно родом. Я же наведаюсь в отдел периодики. Слова, которые чувствуют приближающуюся старость или потерю смысла, часто пытаются заново изобрести себя в колонках светской хроники. Они надевают маски

сленга. Вполне возможно, ваше «безупречное» сейчас тусуется где-нибудь в Сохо, называет себя «чек» или «топ» и делает вид, что никогда не учило латынь.

— А если мы его не найдем? — спросил Харботтл, останавливаясь у стойки регистрации.

— Тогда, — я посмотрел на свои голые без перчатки пальцы, — мы начнем искать того, кто его украл. А у слов, мистер Харботтл, как и у бриллиантов, всегда есть скупщик. И поверьте, скупщики прилагательных — самые страшные люди в этом городе. Они торгуют чужой уверенностью в себе фунтами.

Библиотекарь, женщина, чей взгляд мог бы остановить экспресс до Эдинбурга, посмотрела на нас поверх очков.

— Господа? — ее голос не предполагал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.